

31 MAR 1970

Касумовская Молда

г. Нишнина

ПРИЗВАНИЮ ВЕРНА

По понедельникам — оперный выходной. Зашли на всякий случай. Лестница на четвертый этаж, в балетный зал, крутая. Поднимаемся долго. Ни души. И вдруг — музыка. Открываем дверь.

— Разве не выходной? — Это уже праздный вопрос. Повезло ведь!

— Ой, какой выходной! Какой выходной! — Она в ужасе отмахивается. Будто одно лишь упоминание о нем может вывести ее из душевного равновесия. — Я уже, по-моему, не ем, не сплю, не отдыхаю, а только двигаюсь и думаю. А, впрочем, подругому у нас и не получается? — Она оглядывается на Максуда Мамедова — он ее партнер по танцам и постановкам, заслуженный артист республики. Он же самый близкий человек — муж.

Так или иначе, разрядка наступила. Можно и нам поговорить. Что может рассказать о себе танцовщица, выступающая на сцене вот уже шестнадцать лет? Кончила Бакинское хореографическое училище, год стажировалась в Москве, в Большом театре, а потом спектакли.

Маша, Жизель, Одетта, Гюльшен, Прекраснейшая... Разве все перечислить? Да и нужно ли? Заслуженную артистку республики Рафигу Ахундову знают не по одному перечислению партий, исполненных ею. Я и сама много раз видела ее на сцене. Сейчас передо мной — новый человек, человек, для которого балет не просто музыка, каскад арабесок и грациозных вращений. Для нее балет — страсть, смысл жизни, философия, словом, средство выражения своих идеалов и порывов, своего мироощущения. Оно было у нее всегда, с первого дня, когда девчонкой она переступила порог хореографического, и позже, в блестящих успехах на сцене, когда о них рассказывали все газеты, и в бесконечных гастрольных овациях. Было. Всегда. Может, подсознательно.

А потом в этот мир вторгся Григорович. И все стало на свои места.

Петипа. Фокин. Изумительные мастера прошлого. Без них не было бы Григорови-

ча. Но он есть — и это нечто совершенно новое.

— Он приехал сюда ставить «Легенду о любви» Меликова. Работа с ним — самое яркое событие в моей жизни. Это может понять только человек, работавший с ним повседневно бок о бок. Собственно, он не работал — творил. Да, да, подлинное творчество. Я многое поняла тогда. Это был не модернизм, а подлинное современное осмысливание произведения. О нем я могу говорить бесконечно. Вот еще один пример. В прошлом году, когда я была в Париже, меня потрясли барельефы Шартрского собора. Да, да, я не говорю ничего нового. Поистине гениально. Но не в гениальности дело — это же был «Спартак». Стремительные, сильные, монументальные римляне Григоровича. Вот откуда берутся эта удивительная пластика, острота и смелость рисунка танца. Конечно, я не имею в виду копировку, списывание. Упаси бог! Я поняла другое, поняла всем нутром своим, что искусство — вокруг нас, в людях, в произведениях, в скульптурах, в произведениях живописи и литературе, в стихах, в порыве ветра и во взметнувшемся гребне волны. А такез — один из способов выражения этого будущего вокруг нас мира. И еще поняла, что мы — на верном пути.

...Вы, вероятно, помните, что многие к появлению «Каспийской баллады» относились скептически. Сейчас ведь больше в почете сказочные сюжеты в балете. А тут — труд, нефтяники, море, огонь. Ох, уж эти производственные темы! Уж слишком часто приходилось нам разочаровываться. Но все получилось иначе. Был успех. Настоящий. Большой. И опять писали газеты. Рецензии — одна хвалеее другой. Дифирамбов хватало всем: и композитору Тофику Бакиханову, и либреттисту Сияушу Мамедзади, художнику Иззету Сеидову, дирижеру Али Вердибекову, балетной группе, и солистам театра, но главное досталось им, Рафиге Ахундовой и Максуду Мамедову. Это значило, что их стиль, их почерк утвердил себя.

...В театре часто услышишь такое: «Спроси Рафигу», «Попроси Рафигу», «Скажи Рафиге». Председатель месткома, поэтому? Да, наверное. И еще потому, что знают: Рафига всегда поможет. Весь мир перевернет вверх дном, но поможет.

Т. КАСУМОВА.

г. Баку.